

Глава 9

Электронные слезы Сяо Цзю потекли по экрану сплошным потоком. Система то и дело всхлипывала:

— Хозяин... Хозяин...

Линь Суе протянул руку, позволяя золотистому комочку опуститься на ладонь, и нежно погладил его:

— Ну всё, маленькая, не плачь. Не надо.

— Видишь, я ведь в полном порядке?

Сяо Цзю была безутешна. Она невольно задавалась вопросом: что бы почувствовал Суцзюнь, узнай он о финале, который ждал его брата в первоначальном мире? Разве не разлетелось бы его сердце на куски при виде того, как горячо любимый младший брат превращается в бездушный инструмент, в пустую оболочку?

В оригинальном романе не осталось ничего от прежнего Линь Суе. У него отобрали всё: прошлое, привязанности, саму личность. Всё, что ему оставили — это статус «входного билета» в битву за сердце главного героя-шоу.

Чем больше Сяо Цзю об этом думала, тем горше становилось на душе, и рыдания грозили перейти в настоящую истерику.

Линь Суе пришлось приложить немало усилий, чтобы утихомирить разбушевавшуюся систему:

— Ну тише, тише... Хватит слез.

— Хозяин, — Сяо Цзю шмыгнула воображаемым носом. — Обещаю вам: отныне ваша жизнь будет полна только радости, свободы и счастья.

Линь Суе улыбнулся. В его светлых глазах зажглись искорки, а губы тронула мягкая, теплая усмешка.

— Хорошо. Я верю тебе.

В конце концов, молодому директору Линю пришлось исполнить на пианино «К Элизе», и только тогда впечатлительная система, чья эмпатия зашкаливала за все мыслимые пределы, окончательно успокоилась.

Следующие несколько дней выдались для Линь Суе крайне напряженными. В будни он исправно отмечался в офисе, по вечерам занимался организацией юбилея, а в редкие свободные минуты заставлял себя садиться за инструмент. Единственной отрадой было то, что Ань Ци перестал его донимать. Сяо Цзю подтвердила: все ключевые сюжетные повороты еще впереди, так что сейчас можно было выдохнуть.

Но главной радостью стало известие о возвращении Линь Суцзюня.

Несколько лет назад, когда состояние Суцзюня стабилизировалось, он уехал за границу на реабилитацию, а заодно возглавил там филиал корпорации «Линь». В последние два года он редко заглядывал в город Юнь, появляясь лишь на праздники. Последний раз братья виделись на китайский Новый год, так что с их последней встречи прошло уже почти четыре месяца.

В день прилета Линь Суе встал ни свет ни заря. Перед выходом он тщательно уложил волосы, нанес пару капель любимого парфюма и отправился в аэропорт. По пути он специально сделал крюк, чтобы заехать в цветочный магазин.

Когда он припарковался у VIP-терминала, до посадки самолета оставалось еще больше получаса. Линь Суе едва заметно нахмурился и, уронив голову на руль, пробормотал:

— Слишком рано приехал.

У входа в здание сегодня было необычайно многолюдно. Толпы нарядных девушек со смартфонами наперевес выстроились в живой коридор, явно чего-то ожидая.

— Что там происходит? — поинтересовался Линь Суе.

Сяо Цзю, как продукт высокоразвитой цивилизации с колоссальным запасом знаний, тут же выдала справку:

[Похоже, фанаты встречают какую-то звезду.]

— А, понятно, — Линь Суе лениво повернул голову в другую сторону.

В его отделе кино и телевидения таких «звезд» был целый штат, а лучший друг и вовсе считался идиолом национального масштаба, так что интерес к очередному знаменитому гостю у него отсутствовал напрочь.

Однако ожидание томило. Просидев в машине какое-то время, Линь Суе вышел подышать воздухом. Обойдя автомобиль пару раз, он вновь взглянул на купленный букет.

Пока он выбирал цветы, позвонила Чэнь Ли с вопросом по новому проекту, и он просто попросил флориста собрать что-нибудь на свой вкус. Букет вышел великолепным: каждый лепесток был свеж, на них еще дрожали капли воды. Основной композиции служила пышная гортензия, фокусными точками стали вывернутые тюльпаны, а линейность подчеркивали стрелы гладиолусов. Венчали всё это изящные колоски трясунки.

Погодите. Трясунка?

Глаза Линь Суе округлились. У его брата была аллергия на трясунку.

«Какое невезение», — вздохнул молодой директор Линь. Он уже потянулся к телефону, чтобы заказать новый букет с пометкой «без аллергенов», как вдруг вспомнил: брат вот-вот выйдет. Опасаясь, что Суцзюнь может случайно коснуться цветов, он поспешил к ближайшей мусорной урне, чтобы избавиться от опасного подарка.

Урну он найти не успел, зато со стороны входа донеслись восторженные крики фанатов.

Линь Суе невольно обернулся. Из терминала вышел высокий, статный мужчина во всем черном. Лицо скрывала маска, а походка была настолько самоуверенной и вызывающей, что так и веяло высокомерием.

Фигура казалась до боли знакомой.

Пока Линь Суе пытался вспомнить, где видел этого человека, система внутри него горестно вздохнула. Сяо Цзю была всерьез обеспокоена: «Неужели Хозяин не узнает того, кто уже видел его, скажем так, во всей красе? Если так пойдет и дальше, этот тип воспользуется его наивностью!»

Золотистый шарик заговорил тоном заботливой матушки:

[Хозяин, это Гун №2.]

Линь Суе мгновенно помрачнел. Если Ань Ци оставил его в покое, то Шэнь Хуэйцы в последнее время вел себя так, будто в него вселился бес.

С тех пор как Линь Суе одобрил его запрос в друзья, Шэнь Хуэйцы засыпал его сообщениями. То спрашивал, поел ли он и не спит ли, то начинал слать отчеты о своем дне, жалуясь на невкусную еду в киноэкспедициях. Линь Суе уже был готов его заблокировать, но Шэнь, словно почуяв неладное, прислал целую серию милительных фотографий золотистого ретривера Нуань-Нуань. Одновременно с этим из отдела кино пришло известие, что Шэнь Хуэйцы официально согласился на роль в проекте «Долгий ветер».

Посмотрев на фотографии очаровательного пса, Линь Суе вздохнул и вместо кнопки «удалить»

нажал «отключить уведомления».

Сейчас ему совершенно не хотелось вступать в диалог, поэтому он просто отвернулся, делая вид, что ничего не замечает.

Но лисьи глаза прославленного Киноимператора, казалось, были снабжены оптическим прицелом. Даже садясь в машину, он умудрился безошибочно вычислить в толпе фигуру с охапкой ярких цветов.

Линь Суе сегодня сменил строгий деловой костюм на нежно-розовый комплект, который очень шел его возрасту. С букетом в руках он выглядел как юный студент, еще не познавший тягот взрослой жизни.

Шэнь Хуэйцы вдруг вспомнил персиковую газировку, которую так любил в студенческие годы. В его сердце словно что-то щелкнуло, и оно наполнилось теплом, будто пузырьки этой самой газировки начали подниматься к поверхности.

В последние дни он забрасывал молодого директора Линя сообщениями. Тот не отвечал, но Шэнь был уверен — он всё читает. Ведь когда он отправил архив с фотографиями собаки, статус сменился на «получено».

Это знание подстегивало его. Даже не получая ответа, Шэнь Хуэйцы продолжал свою осаду. Вчера он в шутку написал, что страшно устал от бесконечных перелетов и съемок, и как было бы чудесно, если бы директор Линь лично встретил его в аэропорту.

И вот — Линь Суе здесь. Не просто пришел, но еще и нарядился, и цветы купил.

Сердце великого актера дрогнуло. Он решил, что этот колючий юноша на самом деле обладает удивительно мягким и добрым сердцем.

Растроганный, он, игнорируя недоуменный взгляд ассистента, решительно распахнул дверцу машины и направился к Линь Суе. В его глазах сияла непривычная нежность, а голос, обычно сочащийся иронией, зазвучал мягко:

— Ты и впрямь пришел?

Линь Суе опешил:

— Что?

Шэнь Хуэйцы продолжил, не замечая его замешательства:

— Неужели ты действительно пришел меня встретить? К чему такие церемонии? Зачем было покупать подарки?

Линь Сунь округлил глаза. Это вообще был человеческий язык? Он понимал каждое слово, но смысл фразы ускользал от него напрочь.

Глядя на него, Шэнь Хуэйцзы чувствовал, как внутри всё тает от восторга. «Он похож на породистого котенка — такого же трогательного и взъерошенного», — подумал он. Уголки губ под маской поползли вверх. Великий актер уже вовсю фантазировал, не завести ли ему маленького рекса в компанию к Нуань-Нуань. И как его назвать? Сяо Е?

Пока Шэнь предавался мечтам, его ассистент напоминал муравья на раскаленной сковороде. Одной рукой он пытался отговорить фанаток от съемки «частной встречи», другой — знаками умолял босса закругляться.

Виновник же переполоха, Линь Сунь, всё еще пребывал в прострации. Лишь спустя несколько секунд до него дошло, на что намекает Шэнь Хуэйцзы. Он не выдержал и нервно рассмеялся:

— Кто это пришел тебя встречать?

Шэнь Хуэйцзы счел это проявлением застенчивости. В его глазах Линь Сунь был таким «ежиком» с ранимой душой.

— Ну-ну, — ласково проговорил он и добавил: — Можно мне забрать эти цветы?

Линь Сунь безразлично протянул ему букет. Несколько сотен юаней на ветер — жалко, а так... всё равно ведь некуда девать. К тому же — под рукой наконец-то нашелся подходящий «мусорный бак».

Шэнь Хуэйцзы и рад был бы остаться, но ситуация накалялась — фанатки уже вовсю щелкали затворами камер. К тому же график поджимал: впереди была рекламная съемка. Нужно было срочно связаться со студией, чтобы подготовить официальный комментарий и защитить частную жизнь молодого директора Линя. Шэнь не хотел доставлять ему лишних хлопот.

— Мне пора. До встречи, молодой директор Линь, — с явным сожалением проговорил Киноимператор и, постоянно оглядываясь, сел в машину.

Линь Сунь лишь покачал головой. «Определенно, у этого парня не все дома». Сначала эта странная переписка, теперь — нелепый разговор в аэропорту и отобранный букет.

— Сяо Цзю, как думаешь, Шэнь Хуэйцзы не перегрелся на съемках?

Система и сама была в замешательстве. В оригинале Хозяин и Гун №2 постоянно сталкивались лбами, спорили и даже дрались. Но ничего подобного сегодняшней сцене там не было. С того дня, как Хозяин зашел в комнату Шэнь Хуэйцы переодеться, сюжет начал стремительно сворачивать куда-то не туда.

Сяо Цзю было о чем беспокоиться. Впереди ждала целая толпа других претендентов, и если все они начнут вести себя так же... бедной системе грозило облысение от вечного стресса.

Вскоре доставили новый букет, и самолет Линь Суцзюня совершил посадку.

Еще издали Линь Суе завидел брата. Он радостно выкрикнул его имя и в несколько прыжков преодолел расстояние, заключая Суцзюня в крепкие объятия.

Сяо Цзю тоже с интересом разглядывала человека, о котором так часто вспоминал Хозяин.

Линь Суцзюнь был не слишком похож на брата. Его глаза с мягко опущенными уголками и глубокими, иссиня-черными зрачками напоминали разлитую тушь. Кожа была нездорово бледной, а губы почти лишены красок. Длинные, тонкие пальцы уверенно обхватили плечи Линь Суе, и на тыльной стороне ладоней отчетливо проступали вены. Тем не менее, его черты лица и сама костная структура были безупречны. От него веяло мягким, благородным спокойствием — он полностью соответствовал своему имени.

— А Е, — Линь Суцзюнь коснулся лица брата. — Ты похудел.

Линь Суе, отбросив привычную холодность, по-детски потерся щекой о его прохладную ладонь.

— Нет. У меня всё хорошо.

— Маленький лжец, — Суцзюнь увлек его к машине и пристегнул ремень. — У тебя синяки под глазами такие, что скоро до пола достанут. Приедем — и сразу спать.

— Оставшиеся дела по празднику дедушки я возьму на себя.

Линь Суе тут же глянул в зеркало заднего вида, но обнаружил лишь чистое, свежее лицо без малейшего намека на усталость.

— Брат... — с укоризной протянул он.

Линь Суцзюнь улыбнулся:

— Ладно-ладно, синяков нет, но ты правда исхудал.

— Много забот в последнее время, да? Возвращайся домой, поешь и ложись отдыхать.

Линь Суе нажал на газ. Он ничуть не удивился тому, что брат видит его насквозь, и решил сменить тему:

— Брат, я купил тебе цветы, они на заднем сиденье.

— Я сразу заметил.

— Вообще-то, это не тот букет, который я планировал сначала. В первый раз я не усмотрел, и флорист добавил туда трясунку.

— Выбросил и купил новые?

Линь Суе замялся, а потом с иронией ответил:

— Да нет, один знакомый забрал.

И он в подробностях пересказал брату недавний инцидент, вкратце упомянув свои странные контакты с Шэнь Хуэйцы (конечно, умолчав о случае с подвязками для рубашки).

Линь Суцзюнь на мгновение замолчал, о чем-то раздумывая. Он задумчиво постучал пальцами по руке и вдруг спросил:

— Он в тебя влюблен?

Линь Суе от неожиданности резко ударил по тормозам.

<http://bllate.org/book/16112/1582317>